

В его голове их воссоединение должно было быть чем-то сладким, например, ее губы прижимались к его губам, ощущая вкус малиновой помады, которой она пользовалась год назад. Иногда даже его мозг не был столь добр, и он представлял себе ссору: она кричит во всю мощь легких, быстро сменяя друг друга, о том, какой он мудака и как он разрушил ее жизнь. Он этого не представлял (не представлял, что их нужно будет исправлять).

В то утро он размышляет о том, что если бы он был Гермионой или Луной (если бы он был другом, всё равно), она бы подбодрила его, передала бы ему полотенце после того, как он закончит. Вместо этого она протягивает ему зубную щетку, пока он сидит на пятках, едва осмеливаясь взглянуть на нее. Тебе нужно принять душ», - говорит она и закрывает дверь, собираясь уходить.

Его волосы мокрые, когда он выходит через полчаса, и он с удивлением обнаруживает, что она все еще стоит у окна. Что-то в ее взгляде заставляет его сердце учащенно забиться. На Гарри чистые спортивные штаны и футболка, а в пустых общежитиях Гриффиндора тем утром Джинни Уизли выходит вперед и целует его, с открытым ртом и так близко, что он может прикоснуться к ней, точно зная, что это не сон, что она реальна, что все это было на самом деле, от Крестражей до леса и вот этого, прямо здесь. Она проводит пальцами по линии его челюсти, задевая щетину на щеках и взъерошивая непокорные черные волосы, которые Гермиона отважно пыталась состричь перед тем, как они покинули коттедж «Шелл». У Гарри перехватывает дыхание, когда губы Джинни медленно и непринужденно переходят на его губы. На вкус она напоминает странную смесь корицы и соли, и она сама углубляет поцелуй, не отстраняясь, пока не чувствует его руки на своих бедрах, притягивая ее ближе. Я... - начинает он шепотом и замирает, не успев сказать ей все слова на свете.

Я не хочу... - говорит она, найдя его взгляд. Давай просто не будем разговаривать, хорошо?

Перед сном Гарри увидел, как Джинни случайно направила свою палочку на пару второкурсников, которые неудачно пытались сделать Репаро на развалившейся деревянной скамейке. Рефлекс. Когда он бросил взгляд в ее сторону, она смотрела на него тем же взглядом, который он увидел в своем собственном отражении, как будто боялась того, на что была способна.

Ее взгляд падает на него в то утро, находит ее босые ноги на кафельном полу. Гарри не сразу кивает, робея, и, по правде говоря, это могло стать началом их падения - молчаливый договор, который она заставляет его заключить, держа его ладонь в своей. В тот день они впервые занимаются сексом - он впервые, и кажется, что она тоже, но он не смеет спросить, во всяком случае, больше не смеет - там, в общежитии для мальчиков, после битвы, в которой погибли, кажется, все, кроме них. 'Ты уверена?' Гарри помнит, что спросил ее об этом, как о чем-то, что он знал, но хотел, чтобы она произнесла это вслух, как подтверждение того, что она заставляет его чувствовать себя живым.

Конечно же, они уже занимались этим раньше (в Хогвартсе), и он помнил, как его негнущиеся пальцы нашли тепло между её бёдер в Выручай-комнате и как её рот обхватил его в чулане для метел. Тогда она призналась в собственном невежестве: «Я не уверена, что это то, что я должна делать, так что скажите мне, если я делаю это неправильно», - сказала она, и к тому времени, как она закончила, они не только обнаружили, что она делала большинство вещей

правильно, но и, честно говоря, Гарри более или менее забыл, как звучит его собственное имя.

Носейчас все было иначе. Он чувствовал грусть в её поцелуях, но в то же время ему это было необходимо (она была нужна ему) , как сердцу необходимо биться. Он посмотрел на нее, она улыбнулась ему в губы, провела руками по его голой спине, и ее короткие ногти впились в его кожу, когда он придвинулся к ней. Она закрыла за ними дверь, пробормотав на всякий случай заклинание Оглохни . Я никогда в жизни не была так уверена в чем-либо, Гарри», - сказала она ему и рассмеялась. Он звучал как музыка, которую он не слышал с самого детства. С прошлого года.

И теперь каждую ночь он проскальзывает в ее спальню, и они вдвоем исследуют все то, что не могли исследовать раньше. В действиях Джинни появились решимость и метод, вновь обретенное чувство цели в их занятиях; она бросает на него взгляды в течение всего дня, словно хочет, чтобы он был с ней каждую минуту каждой ночи, потому что с каждым разом им это удастся все лучше и лучше. Однажды в конце мая она даже впервые кончила, когда он был внутри нее, а не от прикосновения его рта или пальцев, и, честно говоря, Гарри не был так горд с тех пор, как выиграл Кубок Дома по квиддичу. В прошлом году», - шепчет она в темноте одной из ночей, обнажённая и разгорячённая рядом с ним. Его пальцы вырисовывают свободные узоры на жемчужной коже её руки. Я все время думал, что если я когда-нибудь увижу тебя снова, мы должны сделать это. Я не хотел думать о том, что мы могли умереть, так и не сделав этого».

Для него весна 98-го года - это секс и похороны.

Но они не разговаривают. Когда он смотрел на нее после битвы, Гарри думал, что у них будет столько времени в мире, чтобы поговорить, и, возможно, они все еще говорят, но, по странному и неожиданному стечению обстоятельств, это не то, что они оба хотят делать. Они дурачатся и исследуют каждый дюйм тела друг друга, но то, что Джинни говорит о прошлом годе, - это самое личное, что Гарри когда-либо слышал от нее, в тот первый месяц после войны. Он не может удержаться от мыслей о том, что могло или не могло произойти в Хогвартсе. На ее теле есть несколько шрамов, которые выглядят старше, как будто они появились не во время битвы, и иногда мысль о Кэрроу и о том, что они могли с ней сделать, вызывает у него физическую тошноту. Однажды он попытался затронуть эту тему, позволив своему рту покрыть поцелуями неприятную линию, проходящую по ее животу, и она, смеясь, вернула его обратно, чтобы посмотреть ей в лицо. Я расскажу тебе о своем, когда ты расскажешь мне о своем, Поттер», - язвит она, и у Гарри складывается впечатление, что она говорит это только потому, что в глубине души точно знает, что он ничего ей не расскажет. На его груди над сердцем, прямо в том месте, куда попало проклятие, есть синяк; он почернел через несколько дней после битвы, а потом так и остался, болящий, болезненный, постоянный. Гермиона протягивает ему свой флакон с Диттани, но он не оказывает никакого эффекта. Может, ты замажешь ее другой татуировкой, - шутит Джинни как-то вечером. Это единственное, что она говорит по этому поводу.